

«Он не терпел людей, которые ничего не делают»

Воспоминания племянника Рудольфа Нуреева

За виртуозностью Нуреева-танцора – безмерный труд.

Фото Натальи Разиной

Майя Крылова

Исполняется 65 лет со дня рождения Рудольфа Нуреева. В последние годы жизни рядом с ним находился Юрий Евграфов, сын старшей сестры Нуреева. Корреспондент «НГ» взял эксклюзивное интервью у племянника великого танцовщика.

– Юрий, вы познакомились с дядей при трагических обстоятельствах...

– Мне было 18 лет, когда Рудольф приехал в Уфу к умирающей матери. Когда брат мне сказал, что он приезжает, я не поверил. Конечно, мы не теряли с ним связь, несмотря на строгий надзор КГБ. Через третьих лиц он постоянно помогал семье – не знаю, как мы вообще выжили

отъезде. Живя в Париже, он целыми днями пропадал на работе, и тогда мы встречались лишь рано утром и за ужином. В дом приходило много народу, Рудольф приглашал артистов Парижской оперы, которой он руководил, своих великосветских знакомых. Приезжали друзья из Америки, часто бывал его бесшумный помощник и ассистент в театре Евгений Поляков, Шарль Жюд, молодой премьер Оперы, которого Рудольф очень любил. Помню Жака Ланга (он был министром культуры Франции, когда Рудольф умер, и организовывал его похороны)...

– Каким Нуреев был в повседневной жизни?

– У дяди были познания в самых неожиданных областях. Он постоянно учился чему-то новому, изучал искусство и часто совето-

Самое замечательное в Рудольфе было то, что он невероятно много работал. До одержимости. И того же требовал от других. Рудольф не мог терпеть людей, которые ничего не делают. А в быту был совсем беспомощен, даже не умел пользоваться карточкой в банкомате. Ему не было нужды знать, как это делается, потому что рядом с ним всегда находился кто-то, кто все организовывал.

– Вы бывали на его личном острове?

– Да. Это маленький клочок земли около побережья Италии. Там необыкновенно красиво. Рядом с особняком была старинная турецкая башня (в ней Рудольф устроил балетный класс) и вертолетная площадка. Рудольф специально разыскивал старинные восточные изразцы для отделки

В нем была некая человеческая робость. Кажется странным для человека с такой грозной репутацией, но это так

бы без него. Дяде дали визу только на 48 часов. С утра мы с ним поехали на машине покататься по Уфе, хотели зайти в балетную школу, в которой Рудольф учился, но оказалось, что школа закрыта. А на следующий день он уже уехал.

Вскоре от Рудольфа пришли приглашения для всей семьи. И тут мы узнали, что он приедет в Кировский театр, танцевать в «Сильфиде». Мы отправились в Питер на него посмотреть. Во время ужина в гостинице Рудольф спросил: «Вы сделали визы?» – «Да». – «Паспорта с собой?» – «С собой». – «Да». – «Поехали». Мама опешила: как же так, никто не взял вещей для длительной поездки, надо вернуться в Уфу, собрать чемодан... Но Рудольф ничего не желал слушать. Так все родственники налегке и отправились в Париж.

– Сколько лет вы прожили рядом с дядей в доме на набережной Вольтера?

– Три года, с 1990-го до самой его смерти. Мама и брат вскоре вернулись домой, а я и кузина Юзель с тетей Розой – остались.

– Как сложилась ваша жизнь рядом с Нуреевым?

– На том же этаже, где у Рудольфа была роскошная квартира, он купил еще небольшую гостевую студию. Вней поселили меня. Рудольф очень часто бывал в

вался с друзьями, прежде всего с Ротшильдами, о пополнении своей обширной коллекции антиквариата. Рудольф часто уходил в себя, не особенно любил рассказывать о прошлом. Вы не поверите, но в нем была некая человеческая робость. Кажется странным для человека с такой грозной репутацией, но это так. И я чувствовал, что при всем его широком общении Рудольф был очень одинок, как бы банально мои слова ни звучали. Я особенно ощущал это по утрам, когда приходил, чтобы его разбудить. Часто Рудольф уже был на ногах, садился за клавиш и что-то меланхолично наигрывал.

Конечно, с ним было непросто, окружающие часто его боялись. Дядя был вспыльчив, мог обращаться с людьми очень грубо, но в глубине души любил, когда ему давали отпор, – ему нравились сильные люди. Рудольф сам говорил, что доходит только до той грани, до которой собеседник ему позволяет. Его многолетняя преданная помощница Дус Франсуа много от него натерпелась. Помню, меня еще в России шокировало, как она несла его чемоданы, а Рудольф ей говорил что-то вроде «тащи быстрее». Но ей самой нравилось быть при нем, всегда слушаться, терпеть его характер.

дома, много плавал в море, обожал гонять на моторке, а по вечерам часто сидел на берегу и смотрел, как солнце заходит, словно в рамку, между двумя скалами, торчавшими из воды.

– А после смерти Нуреева...

– Рудольф очень не хотел, чтобы его наследники платили огромный налог на наследство – во Франции это 60 процентов. И он оставил почти все деньги специально созданному Фонду Нуреева: на такую организацию налоговое правило не распространялось. Фонд должен был поддерживать развитие балета, особенно на территории бывшего СССР, и заботиться о том, чтобы имя Нуреева не было забыто. После кончины Рудольфа все его имущество было распродано фондом. Я поселился в Берлине, занимаюсь кино, продюсировал документальную картину о Евгении Полякове, обдумываю большой фильм о Рудольфе. И еще мечтаю создать музей Нуреева и балетный центр его имени в Петербурге. Я уже начал переговоры. Конечно, здесь потребуется помощь городских властей, но особенно – поддержка фонда. Надеюсь, что мы найдем общий язык в таком важном деле, хотя после смерти Рудольфа у всех его родственников возникли очень напряженные отношения с Фондом Нуреева. ■

НГ

4303

20